



## Феномен коммуникативной неудачи: коммуникативно-прагматический аспект

**О. А. Быкова**

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия  
bykoolya@yandex.ru*

**Аннотация.** В статье обобщаются различные точки зрения на феномен коммуникативной неудачи в теории коммуникации и прагматике. Предлагается типология коммуникативных неудач на основе двух основных типов критериев: процессуального (т. е. на каком этапе построения интеракции произошел сбой) и структурного (т. е. с каким именно компонентом схемы коммуникации он связан). Прагматический подход рассматривает коммуникативную неудачу как феномен, обусловленный некоторыми универсальными законами.

**Ключевые слова:** коммуникативная неудача, коммуникация, теория коммуникации, кооперативное общение, прагматика, теория речевых актов

**Для цитирования:** Быкова О. А. Феномен коммуникативной неудачи: коммуникативно-прагматический аспект // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 13 (881). С. 9–14.

---

Original article

## The Phenomenon of Communicative Failure: Communicative and Pragmatic Aspect

**Olga A. Bykova**

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia  
bykoolya@yandex.ru*

**Abstract.** This article attempts to summarize points of view on the phenomenon of communication failure in communication theory and pragmatics. The author establishes a typology of communication failures based on two types of criteria: procedural (i. e. at what stage of constructing the interaction the failure occurred) and structural (i. e. with which component of the communication scheme it is associated). The pragmatic approach considers failure as a phenomenon depending on some universal laws.

**Keywords:** communication failure, communication, communication theory, cooperative communication, pragmatics, speech act theory

**For citation:** Bykova, O. A. (2023). The phenomenon of communicative failure: communicative and pragmatic aspect. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 13(881), 9–14

## ВВЕДЕНИЕ

Коммуникация как комплексный процесс регулируется значительным количеством факторов, влияющих на ее успешность. Идеальная коммуникативная ситуация, где интерактанты предпринимают совместные усилия для достижения общей цели, верно декодируют эксплицитные и имплицитные смыслы, иллюкутивную направленность речевых актов, при этом не испытывая негативного влияния экстралингвистических компонентов ситуации общения, – скорее, исключение в условиях как реального, так и виртуального общения. Следовательно, изучение условий успешности коммуникации, выявление и описание закономерностей, помогающих верно идентифицировать или даже предвидеть коммуникативную неудачу, – актуальная задача современной теории коммуникации. Особенную актуальность она приобретает в условиях зарождения и развития новых форм коммуникации.

## КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ НЕУСПЕШНОГО ОБЩЕНИЯ

Результаты акта общения непредсказуемы: в зависимости от случайных факторов и их сочетания взаимодействие может быть успешным или неудачным. Очевидно, что успешный исход общения представляется наиболее благоприятным, поэтому необходимо изучение условий, которые могут помешать успеху взаимодействия. Для понимания природы коммуникативной неудачи следует обратиться к вопросу конфигурации коммуникативного взаимодействия и описанию основных компонентов коммуникации.

Прежде всего, на наш взгляд, необходимо различать коммуникативные неудачи, вызванные

объективными факторами (например, шумы, «перекрытие» реплик собеседников (*chevauchement*), присоединение к разговору новых собеседников и др.) и субъективными факторами, связанными с говорящими. Говоря об осечках и злоупотреблениях, двух разновидностях коммуникативных неудач, Дж. Остин подчеркивает важность объективных факторов, обусловленных ситуацией общения [Austin, 1962]. К. Кербрат-Ореккиони предлагает различать коммуникативные неудачи, вызванные намеренно (например, те, которые связаны с различиями в целях и установках собеседников) и ненамеренно (например, недопонимания (*malentendus*), связанные с проблемой интерпретации (извлечения означаемого из означающего) [Kerbrat-Orecchioni, 2005]. Представляя такой случай коммуникации, как «диалог глухих», автор уточняет, что в данном случае «глухота» касается означаемого, а не означающего, и подчеркивает, что в отличие от некоторых других форм несогласия (например, двусмысленность (*ambiguïté*)), недопонимание носит интерактивный характер. Недопонимание, безусловно, является лишь частным случаем коммуникативных неудач, которые носят ненамеренный характер, однако ярко представляет эту группу.

Соответственно, коммуникативные неудачи можно разделить не только на субъективные или объективные, но и на преднамеренные (стратегические) и непреднамеренные (нестратегические).

Для выявления причин коммуникативной неудачи, на наш взгляд, может использоваться одна их наиболее полных и детализированных схем коммуникации, разработанная К. Кербрат-Ореккиони на основе схемы коммуникации Р. Якобсона (рис. 1) [Kerbrat-Orecchioni, 1980]. Она может быть представлена в следующем виде:

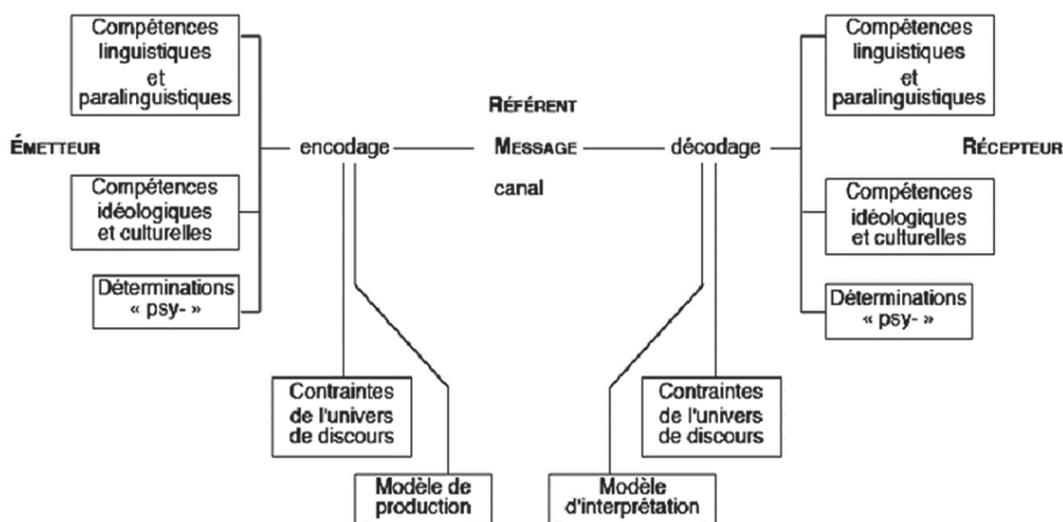


Рис. 1. Схема коммуникации К. Кербрат-Ореккиони

Утверждая, что общение – это непростой обмен информацией, которая «идеально» передается между двумя партнерами, исследователь подчеркивает комплексный характер речевого обмена. Кроме того, согласно К. Кербрат-Орекиони, сам факт присоединения к общению означает, что говорящий принял определенное стратегическое решение относительно своего вступления в коммуникацию и занял определенную позицию. Подобная точка зрения противоположна информационной концепции вербального обмена и рассматривает речевой акт как действие.

Согласно предложенной схеме, каждый из собеседников, выстраивая свою линию коммуникативного поведения, действует в рамках определенной модели, следовательно, обмен между двумя индивидами, принадлежащими к одному и тому же сообществу, зависит от их собственных «идиолектов», что создает взаимопонимание. Идиолекты различаются в силу индивидуальных особенностей языковых личностей коммуникантов, которые носят постоянный или временный характер.

К. Кербрат-Орекиони описывает эти индивидуальные особенности в терминах «компетенций», которые переключаются с уровнями языковой личности в модели Ю. Н. Караулова. При этом каждый из компонентов предложенной схемы потенциально может быть источником коммуникативной неудачи, как со стороны говорящего, так и со стороны слушающего: и психологические особенности коммуникантов, и идеологические / культурные компетенции, и владение лингвистическим/паралингвистическим кодом [Виноградов, 2006]. С учетом конкретных факторов коммуникативные неудачи разделяются и в зависимости от того, кто за них ответственен, – говорящий или слушающий [Городецкий, 1985].

Как модель порождения высказывания, так и модель интерпретации включают в себя некие сценарии коммуникативного взаимодействия, преимущественно направленные на успешную координацию общения. Эти сценарии регулируются особыми правилами, к которым относятся каноны конвенциональности и нормы применения тактик к внешнему и ментальному состоянию собеседника; в свою очередь, эти правила являются продуктами механизма схематизации опыта общения [Шляхов, 2010].

Помимо продуктивной и рецептивной моделей, коммуникация регулируется также «коммуникативным контрактом», имеющим социальную природу. Понятие контракта, разработанное П. Шародо, предполагает, что индивиды, имеющие общность социальных практик, скорее всего, договариваются о языковых репрезентациях этих

социальных практик [Maingueneau, 1996]. Следовательно, нарушение подобных договоренностей приводит к неуспешности коммуникации, так как у собеседников есть некое конвенциональное представление о той линии коммуникативного поведения, которой должен придерживаться собеседник.

Коммуникативная неудача может рассматриваться также в процессуальном аспекте. Обобщая наблюдения многочисленных исследователей, изучающих теорию коммуникации, С. Е. Бугрова создает схему, состоящую из шести уровней [Бугрова, 2013]:

- 1) имплицитный (термин Г. В. Колшанского), превербальный (термин Е. С. Кубряковой), внелингвистическая фаза, включающий мотивационно-побудительный этап (термин И. П. Зимней), этап внутреннего представления смысла генерируемого высказывания – денотативный, дознаковый (термины Т. А. Апполонской и Р. Г. Пиотровского), а также этап прогнозирования;
- 2) этап внутренней речи, десигнативный (термин Т. А. Апполонской и Р. Г. Пиотровского);
- 3) этап перехода к внешней речи;
- 4) вербально-смысловой уровень, непосредственный обмен репликами;
- 5) оценка результатов реализации интенций, соотнесение с реальным результатом коммуникативной интеракции;
- 6) положительный или отрицательный эффект от коммуникативного взаимодействия.

Предложенная модель дает представление об основных этапах коммуникации и может применяться для анализа коммуникативных неудач с целью установления той фазы общения, в которой произошел сбой.

### УСПЕШНОСТЬ КОММУНИКАЦИИ В ПРАГМАТИКЕ

Одной из наиболее значимых теорий, в рамках которой разрабатывалась проблематика успешности коммуникации, является теория речевых актов.

Несмотря на то что поиск верного смысла, прежде всего, это задача адресанта, т. е. итог процесса интерпретации, успешность коммуникации зачастую обусловлена теми усилиями, которые прилагает адресат для того, чтобы быть понятым. Поэтому многие определения коммуникативной неудачи подчеркивают первоочередное значение иллокутивного компонента высказывания в общей оценке коммуникации как успешной или неуспешной. Так, согласно К. Эредиа, коммуникативная неудача проявляется в том, что говорящий

субъект не достигает иллокутивной цели коммуникативного акта, и этот акт не вызывает желаемых последствий, в частности желаемого перлокутивного эффекта [Hérédia, 1986].

Дж. Серль и Д. Вандерверкен формулируют ряд теоретических положений, касающихся *условий успешности* иллокутивного акта, т. е. условий, которые должны быть выполнены в возможном контексте акта высказывания для того, чтобы говорящему удалось совершить этот акт в данном контексте, а также *условий удовлетворения* иллокутивного акта, т. е. условий, которые должны быть выполнены в контексте высказывания, для того чтобы этот акт был удовлетворен в реальной ситуации этого контекста [Костюшкина, 2005]. Данные условия в первую очередь касаются соотношения сказанного с изменением положения вещей в реальном мире, а также с намерением автора сделать так, чтобы сказанное не расходилось с действием.

Таким образом, всякий речевой акт, являющийся одной из составляющих дискурса, в свою очередь предполагает необходимость соблюдения особых правил [Кудрявцева, 2009].

Кооперативная природа коммуникации как универсальный принцип лежит в основе теории Г. П. Грайса [Грайс, 1985]. Исследователь формулирует основной принцип, который должен соблюдаться участниками коммуникации как *принцип кооперации*: «Твой коммуникативный вклад на данном этапе / шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [там же, с. 232]. Успешность коммуникации зависит от соблюдения ряда максим, которые выполняют «направляющую» функцию при декодировании смысла высказывания. Так, максима отношения, согласно которой собеседники не должны отклоняться от темы, может позволить избежать коммуникативной неудачи в ситуации, когда содержание высказывания собеседника не очевидно связано с общей темой разговора и требует от слушающего дополнительных усилий по декодированию содержания сообщения.

Максима отношения принимает в работах Дэна Спербера и Дейдры Сьюзан Мойр Уилсон вид теории релевантности [Sperber, Wilson, 1989]. Согласно данной теории, языковое общение может быть представлено в двух основных моделях: кодовой и инференционной. В первой модели происходит кодирование и декодирование сигнала с использованием идентичных копий кода. Во второй модели акцент сделан на инференции коммуникативного намерения, которое автор сообщения стремится сделать очевидным для слушающего. Спербер и Уилсон рассматривают интерпретацию высказывания как двухфазовый процесс: фаза

модулярного декодирования характеризуется как ступень, на которой закодированная с помощью языка логическая форма обогащается за счет контекста и используется в инференционной фазе для построения гипотезы об информативной интенции говорящего [Сусов, 2006].

Таким образом, релевантность высказывания, рассматриваемая авторами в когнитивном аспекте, может сводиться к следующим правилам: предоставление информации о том пропозициональном содержании, которым должен оперировать собеседник, и о том конкретном способе, которым он должен им оперировать.

Нарушение различных типов правил как коммуникативно-прагматического, так и дискурсивного характера лежит в основе типологии неудач Н. К. Къневой. Автор выделяет группы коммуникативных неудач, возникающих: 1) вследствие нарушения правил организации речевого взаимодействия; 2) в случае нарушения правил организации дискурса; 3) из-за нарушения правил информационного обмена; 4) как несоблюдение правил учета статусных ролей коммуникантов в общении [Кънева, 1999].

Вместе с тем при оценке успешности коммуникативного акта перлокутивный уровень имеет решающее значение, так как он является индикатором реализации иллокутивной силы. Исследуя перлокутивную семантику ответных реплик, Н. Ф. Карягина приходит к выводу, что коммуникативные неудачи вызваны как целым рядом психологических факторов, так и несовпадением прагматических пресуппозиций. Коммуникативные неудачи обусловлены субъективным желанием-нежеланием адресата выполнять ожидаемое от него вербальное / невербальное действие, т. е. намеренным игнорированием иллокутивной силы высказывания говорящего [Карягина, 2002]. Таким образом, даже при соблюдении максимального количества условий, необходимых для успешности речевого акта, ожидаемый перлокутивный эффект может не быть достигнут.

## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование коммуникативной неудачи предполагает комплексный подход к анализу данного феномена. С коммуникативной точки зрения это явление может рассматриваться как в структурном аспекте (т. е. в его зависимости от определенного компонента ситуации общения), так и в процессуальном аспекте (т. е. в связи с определенным этапом коммуникации). Второй ракурс рассмотрения коммуникативной неудачи близок к прагматическому подходу, в котором речевой

акт рассматривается как трехуровневая структура, где основное внимание уделяется условиям успешной реализации иллокутивного намерения коммуникантов, индикатором которой служит перлокутивный эффект.

С прагматической точки зрения важно различать преднамеренные (стратегические) и непреднамеренные (нестратегические) коммуникативные неудачи. Первые представляют наибольшую опасность с точки зрения успешности коммуникации,

так как они носят субъективный характер и часто основаны на фундаментальных разногласиях, разнице во мнениях, мотивациях, идеологических установках и др. Вторая группа коммуникативных неудач может носить как субъективный, так и объективный характер и представляет меньшую опасность для исхода коммуникации, ситуация может быть разрешена посредством реализации репаративных стратегий и тактик.

---

## СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Austin J. L. *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press, 1962.
2. Kerbrat-Orecchioni C. *Le discours en interaction*. Paris: Armand Colin, 2005.
3. Kerbrat-Orecchioni C. *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*. Paris: Armand Colin, 1980.
4. Виноградов С. И. *Культура русской речи*. М.: Норма: ИНФРА-М, 2006.
5. Городецкий Б. Ю. К типологии коммуникативных неудач // *Диалоговое взаимодействие и представление знаний: сб. ст.* Новосибирск: СО АН СССР, 1985. С. 64–78.
6. Шляхов В. И. *Речевая деятельность: Феномен сценарности в общении*. М.: КРАСАНД, 2010.
7. Maingueneau D. *Les termes clés de l'analyse du discours*. P.: Seuil, 1996.
8. Бугрова С. Е. *Коммуникативные неудачи и способы их преодоления в неофициальном англоязычном общении*: дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2013.
9. Hérédia de C. *Incompréhension et malentendus. Étude d'interaction entre étrangers et autochtones* // *Langue française*. 1986. № 71. P. 48–69.
10. Костюшкина Г. М. *Современные направления во французской лингвистике*. Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2005.
11. Кудрявцева Н. Б. *Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка*: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
12. Грайс Г. П. *Логика и речевое общение* // *Новое в зарубежной лингвистике*. М.: Прогресс, 1985. №16. С. 217–237.
13. Sperber D., Wilson D. *La pertinence*. Paris: Minuit, 1989.
14. Сусов И. П. *Лингвистическая прагматика*. М.: Восток – Запад, 2006.
15. Кънева Н. К. *Интегральный подход к проблеме коммуникативных неудач*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999.
16. Карягина Н. Ф. *Перлокутивная семантика ответных реплик: на материале драматургических произведений современных французских авторов*: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

---

## REFERENCES

1. Austin, J. L. (1962). *How to Do Things with Words*. Oxford: Oxford University Press.
2. Kerbrat-Orecchioni, C. (2005). *Le discours en interaction*. Paris: Armand Colin.
3. Kerbrat-Orecchioni, C. (1980). *L'énonciation. De la subjectivité dans le langage*. Paris: Armand Colin.
4. Vinogradov, S. I. (2006). *Kul'tura russkoj rechi*. Moscow: Norma: INFRA-M. (In Russ.)
5. Gorodeckij, B. Yu. (1985). *K tipologii kommunikativnyh neudach = To the typology of communicative failures. Dialogovoe vzaimodejstvie i predstavlenie znaniy (pp. 64–78): digest of articles*. Novosibirsk: SO AN SSSR. (In Russ.)
6. Shlyahov, V. I. (2013). *Rechevaya deyatel'nost': Fenomen scenarnosti v obshchenii = Speech activity. The phenomenon of scenarity in communication*. Moscow: KRASAND. (In Russ.)
7. Maingueneau, D. (1996). *Les termes clés de l'analyse du discours*. Paris: Seuil.
8. Bugrova, S. E. (2013). *Kommunikativnye neudachi i sposoby ih preodoleniya v neoficial'nom angloyazychnom obshchenii = Communicative failures and ways to overcome them in informal English-speaking communication*: PhD in Philology. Nizhnij Novgorod. (In Russ.)
9. Hérédia de, C. (1986). *Incompréhension et malentendus. Étude d'interaction entre étrangers et autochtones. Langue française*, 71, 48–69.
10. Kostyushkina, G. M. (2005). *Sovremennye napravleniya vo francuzskoj lingvistike = Modern trends in French linguistics*. Irkutsk: Baykalsky State University of Economics and Law. (In Russ.)
11. Kudryavceva, N. B. (2009). *Diskurs i sistema sochinitel'nyh soyuzov sovremennogo francuzskogo yazyka = Discourse and the system of compositional unions of the modern French language: SeniorDoctorate in Philology*. Moscow. (In Russ.)

12. Grice, G. P. (1985). Logika i rechevoe obshchenie = Logic and speech communication. Novoye v zarubezhnoy lingvistike (vol. 16, pp. 217–237). Moscow: Progress. (In Russ.)
13. Sperber, D., Wilson, D. (1989). La pertinence. Paris: Minit, 1989.
14. Susov, I. P. (2006). Lingvisticheskaya pragmatika = Linguistic pragmatics. Moscow: Vostok – Zapad. (In Russ.)
15. K"neva, N. K. (1999). Integral'nyj podhod k probleme kommunikativnyh neudach = Integral approach to the problem of communicative failures: abstract of PhD in Philology. Tver'. (In Russ.)
16. Karyagina, N. F. (2002). Perlokutivnaya semantika otvetnyh replik: na materiale dramaturgicheskikh proizvedenij sovremennykh francuzskih avtorov = Perlocutive semantics of retaliatory remarks: based on the material of dramaturgical works of modern French authors: PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

#### **Быкова Ольга Алексеевна**

кандидат филологических наук

и. о. заведующего кафедрой лексикологии и стилистики французского языка

факультета французского языка Московского государственного лингвистического университета

### INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

#### **Bykova Olga Alekseyevna**

PhD (Philology)

Acting Head of the Department of Lexicology and Stylistics of the French Language

Faculty of the French Language, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	27.09.2023	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	26.10.2023	
принята к публикации	28.10.2023	